

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

© 2021 г. В. К. Андреев

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

E-mail: andlaw@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2021 г.

Аннотация. В статье на основе анализа российских законов о применении цифровых технологий рассматривается соотношение правового и цифрового регулирования, оказывается, что информационные технологии представляют собой механические процессы алгоритмизирования отдельных операций по совершению и исполнению сделок, осуществляемых с помощью электронных и иных технических средств. Экспериментальные правовые режимы — это способы внедрения цифровых инноваций в канву общего правового регулирования. Совершение и исполнение сделок с помощью электронных и иных технических средств не ведёт к созданию электронной личности, поскольку в рамках информационной системы операции с цифровыми правами осуществляются без участия человека, а сами цифровые права являются результатами преобразования в них обычных гражданских прав и обязанностей, а обладатель цифрового права не является субъектом права. В статье исследуется возможность рассмотрения цифровых прав как объектов интеллектуальной деятельности. Доверие к машинным технологиям неравнозначно добросовестности участников правоотношений.

Ключевые слова: правовое регулирование, экспериментальные правовые режимы, правоотношения, объект гражданских прав, гражданские права и обязанности, цифровые технологии, цифровое право, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, искусственный интеллект.

Цитирование: Андреев В.К. Правовое регулирование применения цифровых технологий: теоретические размышления // Государство и право. 2021. № 11. С. 81–89.

DOI: 10.31857/S102694520017457-3

LEGAL REGULATION OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES: THEORETICAL REFLECTIONS

© 2021 V. K. Andreev

Russian state University of Justice, Moscow

E-mail: andlaw@mail.ru

Received 16.09.2021

Abstract. In the article, based on the analysis of Russian laws on the use of digital technologies, the relationship between legal and digital regulation is considered, it turns out that information technologies are mechanical processes of algorithmic algorithms for individual transactions for the execution and execution of transactions carried out using electronic and other technical means. Experimental legal regimes are ways of introducing digital innovation into the canvas of general regulation. The execution and execution of transactions using electronic other technical means does not lead to the creation of an electronic personality, since within the framework of the information system, operations with digital rights are carried out without human participation, and the digital rights themselves are the results of the transformation of ordinary civil rights and obligations into them, and the holder of digital rights is not a subject of law. The article explores the possibility of considering digital rights as objects of intellectual activity. Trust in machine technology is not equivalent to the good faith of the participants in legal relations.

Key words: legal regulation, experimental legal regimes, legal relations, object of civil rights, civil rights and obligations, digital technologies, digital law, utilitarian digital rights, digital financial assets, digital currency, artificial intelligence.

For citation: Andreev, V.K. (2021). Legal regulation of the use of digital technologies: theoretical reflections // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 81–89.

Широкое применение цифровых технологий в деятельности людей и их объединений поставило вопрос об уточнении понимания права как регулятора общественных отношений: возможно ли в орбиту его действия включать информационно-телекоммуникационные технологии, осуществляемые операторами информационных систем?

В Российской Федерации сложилось достаточно развитое законодательство о правовом регулировании применения информационных технологий в экономике. Прежде всего это Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, которым дано определение цифрового права, приравнено совершение сделки с использованием электронных либо иных технических средств к письменной форме сделки, расценено как исполнение сделки наступление определённого обстоятельства без наложенного дополнительно волеизъявления сторон обязательства путём применения информационных технологий, определенных условиями сделки, предусмотрены особенности договора об оказании услуг на предоставление информации. Отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ, по регулированию возникновения и обращения утилитарных цифровых прав² предусмотрены в Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ урегулированы выпуск, учёт и обращение таких цифровых прав как возможность осуществления прав по электронным ценным бумагам и правам требования, их передачи, а также участия в капитале непубличного акционерного общества. В названном Законе урегулированы отношения,

возникающие при обороте цифровых валют в Российской Федерации⁵. Важным актом является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁶. Следует отметить, что указанные законы содержат существенные изменения действующих законов, прежде всего Закона о рынке ценных бумаг. Цели и основные задачи развития искусственного интеллекта⁷ в Российской Федерации определены Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490⁸).

Соотношений правового и цифрового регулирования

В юридической литературе утверждается, что влияние цифровизации на предмет правового регулирования проявляется в качественном изменении общественных отношений за счёт «новых» форм и способов взаимодействия, а также появления «новых», не урегулированных правом общественных отношений⁹. Неуместно, на мой взгляд, рассуждение Д.А. Гаврина о бинарной природе предмета правового регулирования, поскольку такой подход не позволяет ясно ответить на вопрос, приобретают ли общественные отношения новое качество или они в цифровом пространстве теряют свой характер непосредственного общения между людьми и превращаются в совокупность форм, построенных на формальных математических моделях.

По мнению В.Н. Синюкова, «в правовое регулирование включается вся методология техники и искусственного языка техники. Неживые объекты становятся частью не просто быта людей, на чем основывается нынешнее правовое регулирование, но

⁵ См.: Андреев В.К. Правовой аспект цифровой валюты // Право и экономика. 2020. № 10. С. 5–9.

⁶ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5017.

⁷ См.: Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал рос. права. 2020. № 3. С. 58–68.

⁸ См.: СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

⁹ См.: Гаврин Д.А. Предмет и метод правового регулирования в условиях цифровизации // Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / отв. ред. В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. М., 2020. С. 18.

¹ См.: СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1224.

² См.: Андреев В.К. Договоры инвестирования, заключаемые с использованием инвестиционных платформ путем приобретения утилитарных цифровых прав // Юрист. 2020. № 1. С. 15–21.

³ См.: СЗ РФ. 2019. № 31, ст. 4418.

⁴ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5018.

и частью самих общественных отношений»¹⁰. Вряд ли можно согласиться с учёным, что цифровое право выполняет роль методологической категории, раскрывающей тенденции структурной трансформации российской правовой системы, предусматривает нормы и институты различной отраслевой природы. Цифровое право представляет соединение неправовых регуляторов, которые в определённых сочетаниях дают правовое качество, юридизм нового типа¹¹. Представляется контрпродуктивной идея В.Н. Синюкова о цифровом праве как новой правовой методологии правообразования и право-реализации в симбиозе права и технологий. Перспектива цифрового права не в иной модели социального и правового регулирования, а в адаптации существующей и развивающейся правовой среды цифровых технологий с учётом того или иного отраслевого правового регулирования.

Положения законов о цифровых правах со всей очевидностью свидетельствуют о том, что никаких новых общественных отношений не возникает, просто отдельные их элементы, получившие закрепление в нормах права (элементы обязательства, юридического лица, интеллектуального права), возникают и осуществляются с использованием электронных либо технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, действия органа юридического лица¹² или условия осуществления интеллектуального права. Представляется, что внедрение цифровых технологий в гражданский оборот не влечёт новых общественных отношений и, следовательно, цифровых правоотношений, появление виртуальной или цифровой личности. Сфера правового регулирования обогащается в пределах существующих правовых институтов нормами, которыми за сделками, другими юридически значимыми действиями, совершёнными с использованием программно-аппаратных устройств, признаётся правовой характер. Выпуск, учёт и обращение цифровых прав, в частности цифровых финансовых активов, возможны только путём внесения (изменения) записи в информационной системе на основе распределённого реестра, под которым понимается совокупность данных, тождественность содержащихся в которых обеспечивается на основе установления алгоритмов, т.е. чисто технически-технологических требований. В определенной степени цифровые инновации можно рассматривать как возникновение

отдельных элементов общественных отношений по созданию нового или существенно улучшенного продукта (товара, работы, услуги, охраняемого результата интеллектуальной деятельности).

В связи с изложенным слишком оптимистично утверждение А.А. Тедеева о том, что сейчас речь идёт уже «не о поиске юридических конструкций, которые позволили бы эффективно регламентировать отдельные особенности регулируемых соответствующей отраслью права общественных отношений, частично происходящих в кибер-пространстве (или отягощенных существенным информационным элементом), а о полной трансформации самих таких регулируемых общественных отношений»¹³.

Представляется, что полной трансформации общественных отношений в цифровые быть не может, цифровые технологии можно использовать лишь на определённых участках общественных отношений, когда возможно их правовое регулирование с использованием технических средств по подобию уже существующих правовых институтов, без формирования также таких общих понятий, как «цифровые правоотношения», «электронная личность и её существование», «правоспособность и дееспособность робота, роботизированных систем»¹⁴.

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна, вводя в научный оборот понятие «цифровые активы», утверждают, что цифровые права в отличие от традиционных объектов гражданских прав подчиняются прежде всего технологическим закономерностям оборота, что должно найти отражение в правовой регламентации данных отношений. В этом правовая сущность цифровых активов¹⁵.

Технико-технологические характеристики функционирования информационных систем, комплексов программно-аппаратных средств не могут подвергаться непосредственному правовому регулированию. В Законе о цифровых финансовых активах организация выпуска цифровой валюты охарактеризована как деятельность по оказанию услуг на обеспечение её выпуска без правовой регламентации. Правила информационной системы оператора по выпуску цифровых финансовых активов не могут быть квалифицированы как локальные правовые акты, так как они содержат алгоритм программы информационной системы, способы учёта цифровых

¹⁰ Цифровое право: учеб. / под ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., 2020. С. 15.

¹¹ См.: там же. С. 19.

¹² См.: Андреев В.К. Теоретические предпосылки применения цифровых технологий в деятельности юридического лица // Росс. правосудие. 2020. № 6. С. 52–59.

¹³ Тедеев А.А. К вопросу о трансформации системы права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий: постановка проблемы // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности: сб. науч. тр. М., 2018. С. 31.

¹⁴ Степанов О.А. О проблеме правосубъектности роботизированных систем (правосубъектный, общетеоретический, отраслевой и международный анализ). М., 2017. С. 289.

¹⁵ См.: Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. М., 2020. С. 39, 40.

финансовых активов, требования к защите информации и операционной надёжности и т.п., которые не могут характеризоваться как общественные отношения — это технико-технологические правила, требования, предъявляемые к программно-аппаратным устройствам инвестиционной системы.

*Экспериментальные правовые режимы
(т.н. «регуляторная песочница»)*

Технические характеристики функционирования информационной системы не могут подвергаться непосредственно правовому регулированию, вряд ли целесообразно устанавливать нормативы производственной деятельности и технологических операций. Новые или существенно улучшенные продукты (товары, работы, услуга, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности) или процессы с применением технологий, перечень которых утверждается Правительством РФ (Центральным банком РФ), разрабатываются, апробируются и внедряются путём использования цифровых инноваций на основе экспериментальных правовых режимов, предусмотренных Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых технологий в Российской Федерации». Одним из условий установления экспериментального правового режима является существование технологической возможности применения цифровых инноваций, либо для их использования требуется техническая, технологическая, организационная или иная подготовка. Другим условием установления экспериментального правового режима является наличие требований, предписаний, запретов и ограничений в общем правовом регулировании, соблюдение которых препятствует внедрению цифровых инноваций или существенно затрудняет их внедрение. В акте специального правового регулирования, программе экспериментального правового режима, утверждаемого Правительством РФ либо Банком России, могут содержаться положения, которые исключают или изменяют действие положений федерального закона в случае, если это прямо предусмотрено соответствующим федеральным законом. В Программе экспериментального правового режима содержатся положения федеральных законов, правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций, Банка России, которые не подлежат применению, а также положения, соблюдение которых является обязательным в соответствии с этой программой, если такие положения не предусмотрены актами общего регулирования или отличаются от них. Получив статус субъекта экспериментального правового режима, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель обязаны вести реестр лиц, вступивших

с ними в правоотношения, информировать лиц, выражающих намерение вступить с ними в правоотношения о наличии и содержании экспериментального правового режима. Возможность субъекта экспериментального правового режима действовать в рамках специального правового режима означает, что права и обязанности у него возникают при совершении сделок, заключении договоров, направлении юридически значимых сообщений и совершении иных юридически значимых действий на основании программы экспериментального правового режима. В связи с этим юридическое лицо или индивидуальный предприниматель обязаны уведомлять лиц, не являющихся участниками экспериментального правового режима, о наличии у него статуса субъекта такого режима и указывать на то, что к нему применяются акты специального регулирования, и наносить соответствующую информацию на товары, производимые в рамках такого режима. Следует отметить, что права и обязанности субъекта экспериментального правового режима, возникшие у него в результате совершения сделок и иных юридически значимых действий, не могут переходить к другим лицам, за исключением преобразования юридического лица в иную организационно-правовую форму.

Юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, выражающие намерение вступить в правоотношения с субъектом экспериментального правового режима, должны быть ознакомлены с информацией о наличии и содержании программы соответствующего экспериментального правового режима, прежде всего об отличиях специального регулирования от общего регулирования применительно к правоотношениям, в которые заинтересованное лицо намерено вступить. Информирование лица о программе экспериментального правового режима означает согласие этого лица на признание его участником экспериментального правового режима и применение к правоотношениям, связанным с реализацией программы специального регулирования. Согласие лица распространяется только на возможность применения к правоотношениям, возникающим с его участием, только специального регулирования и не отрицает его самостоятельного определения условий сделок, других юридически значимых действий на основе программы экспериментального правового режима, важным компонентом которой является минимизация рисков причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, ущерба обороне и (или) безопасности государства. Ответственность за причинение вреда личности или имуществу юридического лица по правилам гл. 59 ГК РФ должна служить гарантом их возмещения в случае отсутствия на этот счёт указания в программе экспериментального

правового режима, в т.ч. когда затронуты права и законные интересы лиц, не вступающих в правоотношения с субъектом экспериментального правового режима.

Решение об установлении экспериментального правового режима и утверждение его программы принимается Правительством РФ, а по финансовому рынку — Банком России. В программе устанавливаются положения (требования, предписания, запреты, ограничения) отдельных актов общего регулирования, которые не подлежат применению, а также положения, соблюдение которых является обязательным в соответствии с программой экспериментального правового режима, если такие положения не предусмотрены актами общего регулирования или отличаются от них. Постановлением Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций»¹⁶ утвержден перечень технологий для ускоренного внедрения в Российской Федерации новых цифровых продуктов и услуг посредством установления экспериментальных правовых режимов. Распоряжением Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 2790-р организацией, представляющей интересы предпринимательского сообщества по вопросам экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых технологий, утверждена автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика»¹⁷.

Об электронной личности и её «правах»

Субъективное гражданское право, равно как и гражданская обязанность, не обязательно включается (встроено) в правоотношение. Гражданское право, равно как и обязанность, может возникнуть не только из договоров и иных сделок, но и из оснований, которые не представляют собой правоотношение, например, в результате создания объекта интеллектуальной собственности. Правовое регулирование общественных отношений и деятельности происходит и посредством других правовых форм, не сочетающих в себе права и обязанности субъектов в одном отношении.

В процессе внедрения цифровых технологий в гражданский оборот не только правоотношения, но и гражданские права и гражданские обязанности физических и юридических лиц подразделяются на отдельные составные части, которые преобразуются в цифровые права для движения в информационной системе. Действия граждан и юридических лиц, их отдельные операции по

приобретению и осуществлению гражданских прав и обязанностей производится автоматически, без участия человека. В этих случаях воля субъекта гражданского права может выражаться электронными и иными техническими средствами. Так, принятие инвестиционного предложения осуществляется путём выражения с помощью технических средств инвестиционной платформы воли инвестора о принятии инвестиционного предложения при условии наличия необходимой суммы денежных средств на номинальном счете оператора инвестиционной платформы (п. 4 ст. 13 Закона о привлечении инвестиций с помощью использования инвестиционных платформ).

При совершении сделок и иных юридически значимых действий с помощью электронных либо иных технических средств передается информация о воле и интересе лица, гражданина или юридического лица, которые сами эти действия не совершают. Услуга по передаче информации, оказываемая оператором информационной системы в силу ст. 160 ГК РФ, признается заключением письменной сделки, а не устной. Технические операции оператора информационной системы не являются поведением лица, из которого явствует его воля совершить сделку (п. 2 ст. 158 ГК РФ).

Тем самым невозможно говорить о правосубъектности робота-технического устройства и о наличии цифрового правоотношения вообще. В таком случае оборот гражданских прав и обязанностей, а также цифровых прав в рамках инвестиционной платформы или иной информационной системы не предполагает, что утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы и иные цифровые права принадлежат гражданам и юридическим лицам. Ими обладают носители уникальных условных обозначений, зарегистрированные в определенной информационной системе.

Внедрение машинных технологий в гражданский оборот ставит вопрос о соотношении правоотношения с его элементами прежде всего с объектом гражданских прав, цифровыми правами, которые представляют определенным образом закодированное субъективное имущественное право. В процессе перевода обязательственного, интеллектуального или иного гражданского права в цифровое право исчезают различия между ними, более того, гражданское право или обязанность, в частности цифровая валюта, теряет первоначального субъекта, находясь в информационной системе. Утилитарное цифровое право необходимо рассматривать как своеобразный симбиоз объекта гражданского права с самими гражданскими правами,

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2020. № 44, ст. 7003.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2020. № 44, ст. 7048.

существующими в инвестиционной платформе¹⁸. При таком правовом регулировании нет необходимости обращаться к правоспособности гражданина как способности иметь гражданские права и нести гражданские обязанности (ст. 17 ГК РФ) либо правоспособности юридического лица как возможности иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его уставе, и нести связанные с этой деятельностью обязанности (ст. 49 ГК РФ), вести речь о сочетании частных и общественных (государственных) интересов. С помощью цифровых технологий определенные нормы гражданского законодательства осуществляются без участия человека, путём алгоритмов программы информационной системы. Отдельные фундаментальные категории как правоспособность, субъект гражданских прав и обязанностей не применяются. Эти первичные начала конкретизации общественных отношений и деятельности регулируемых гражданским законодательством отношений из цифрового оборота выпадают. Сам обладатель цифрового права не проявляет воли и интереса распоряжения им, поскольку осуществление и распоряжение цифровым правом производится действиями оператора информационной системы, т.е. третьими лицами в отличие от таких объектов, как результаты работ и услуг.

Так, научные теории о любом коллективном субъекте права должны исходить из того, что понятие юридического лица, закреплённое в ст. 48 ГК РФ, является в высшей степени обобщением и не может рассматриваться как разновидность корпораций, как часть корпоративного права. Юридическое лицо может быть элементом интегрированных структур, объединений, не являющихся юридическими лицами, а также служить ориентиром для распознавания: кто выступает в роли обладателя цифрового права, юридическое лицо или гражданин. Обладатель утилитарного цифрового права или цифрового финансового актива, оставаясь юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, в пределах информационной системы не нуждается в действиях органа юридического лица по распоряжению цифровым правом, своим имуществом. Оно осуществляется с помощью технических средств оператора информационной системы.

Применение цифровых технологий в гражданском обороте позволяет определить, какие теории о юридическом лице точнее отражают его сущность. Учёными предложено множество теорий,

объясняющих феномен юридического лица¹⁹. Соглашаясь с тем, что все научные концепции, взятые в совокупности, позволяют выявить многообразие свойств юридического лица, его функций и признаков²⁰, полагаю, что юридическое лицо — это организация, реально существующий субъект, осуществляющий силами своих работников определённую деятельность под управлением своих органов²¹. Юридическое лицо — это не правовая фикция, не искусственный субъект права, не прием юридической техники, не правовое средство, а равнозначное гражданину правосубъектное образование, приобретающее и осуществляющее свои гражданские права с учётом коллективного построения, прежде всего действиями органа юридического лица. В информационной системе обладателем цифрового права в равной степени может быть как юридическое лицо, так и гражданин, без выделения каких-либо особых прав одному из них.

Выпуск цифровых финансовых активов предполагает, что они удостоверяют возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам или удостоверяют право участия в капитале акционерного общества. Решение о выпуске цифровых финансовых активов, удостоверяющих право участия в капитале акционерного общества, должно содержать количество таких активов и (или) указание предельной суммы денежных средств, которые необходимо передать на оплату, по достижении которых выпуск этого вида цифровых прав прекращается, цену приобретения прав участия в капитале акционерного общества при их выпуске и (или) количество иных цифровых финансовых активов, которые необходимо передать для их приобретения. Учёт акций непубличного акционерного общества в виде цифровых финансовых активов осуществляется оператором информационной системы, выпустившей такие акции.

Акции в этих случаях выступают не в форме бездокументарных ценных бумаг, оплачиваемых деньгами, ценными бумагами и т.п., а в виде цифровых прав. Формулировка п. 1 ст. 13 Закона о цифровых финансовых активах путем отрицания, что акции в виде цифровых прав не могут быть акциями публичного акционерного общества и акциями непубличного акционерного общества при условии, что эмиссия акций данного общества осуществлена не в виде цифровых финансовых активов не позволяет сделать вывод об обособленном

¹⁹ См.: Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица: очерк истории и теории. М., 2003.

²⁰ См.: Корпоративное право: учеб. курс / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2017. Т. 1. С. 141.

²¹ См.: Андреев В. К., Ефимов А. В., Кондратьев В. А. Права и обязанности непубличного общества и его участников: теория и судебная практика. М., 2020. С. 27–30, 64.

¹⁸ См.: Андреев В. К. Динамика правового регулирования искусственного интеллекта. С. 67.

имуществе такого акционерного общества и о его деятельности. Непонятно, как право участия в капитале акционерного общества сочетается с правом участия (членства) в юридических лицах (п. 1 ст. 65¹ ГК РФ).

Организация выпуска акций в виде цифровых финансовых активов осуществляется в соответствии с правилами соответствующей информационной системы, в которой предусматриваются технико-технологические требования к их выпуску, алгоритмы и программы, а также порядок внесения в них изменений, способы учёта цифровых финансовых активов в информационной системе требования о защите информации и определенной операционной надёжности и т.д., т.е. абсолютно технико-технологические показатели.

Непубличное акционерное общество, акции которого выпущены в виде цифровых финансовых активов, представляют собой, в отличие от обычного юридического лица, виртуальный образ последнего с узко специализированной целью деятельности. Такое общество не имеет в собственности обособленное имущество, учитываемое на самостоятельном балансе. Оно не может иметь обычные гражданские права и нести обязанности, поскольку цифровые права, прежде всего право участия в капитале, представляет собой преобразованные в объект ранее принадлежащие другому лицу имущественные права для обращения в информационной системе.

Цифровое право — объект интеллектуальной деятельности?

Объекты гражданских прав, перечисленные в ст. 128 ГК РФ, не имеют чётко выраженного урегулированного правом вида деятельности или отношений, что явно проявляется в первой группе объектов — вещи, иное имущество, имущественные права. Они как предмет гражданско-правового регулирования определены в п. 1 ст. 2 ГК РФ как основания и порядок осуществления права собственности и других вещных прав. Несмотря на развитие понятия вещи в условиях многовековой научно-промышленной революции, она по-прежнему видится как физически воспринимаемая субстанция, хотя в понятие имущества уже включаются нематериальные объекты, в частности имущественные права. Само право собственности потеряло вещный характер, поскольку оно определяется как право собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Трактовка в ст. 128 ГК РФ цифровых прав как имущественных не наводит ли на подобную мысль, если исходить из того, что имущество является вещью? Видимо, задача состоит не в улучшении разд. II «Право собственности и другие вещные права» ГК РФ путём воспроизведения

идей и терминов римского права, а в выработке новых положений в понимании объекта гражданских прав, учитывающих внедрение машинных технологий в гражданский оборот.

В цифровых правах как имуществе воплощены результаты интеллектуальной деятельности (программы для ЭВМ, базы данных), которые являются объектами авторского права или права, смежного с авторским, характеризуют этот объект гражданских прав. Транзакция как минимально логически осмысленная операция, выполняемая по программе ЭВМ, представляет в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования компьютерных устройств в целях получения определенного результата. Транзакция — это технико-технологическая операция оператора информационной системы, обеспечивающая предоставление ее пользователям достоверной, полной и не вводящей в заблуждение информации, что предполагает работу информационных технологий и технических средств информационной системы без сбоев, без нарушения бесперебойности и непрерывности функционирования информационной системы. За убытки, которые были причинены пользователям информационной системы в результате сбоев в работе информационной системы, её оператор отвечает в соответствии с гражданским законодательством (ст. 9 Закона о цифровых финансовых активах).

Л.В. Санникова, Ю.С. Харитоновна поддерживают мнение А.И. Савельева, что криптовалюты сами по себе — объекты интеллектуальной деятельности, поскольку они обладают тесной связью с программным обеспечением²², хотя предлагаемое ими понимание цифровых активов не имеет отличительных правовых признаков, а само понятие цифровых прав, как и все российские законы о применении цифровых технологий в гражданском обороте, подвержены, на мой взгляд, необоснованной критике.

Обосновывая проект № 4738—6/5 разд. II «Вещное право» ГК РФ, принятый Государственной Думой в первом чтении 27 апреля 2012 г., Е.А. Суханов считает, что вещные права — более точное понятие, включающее и право собственности. Виды имущественных прав, связанных с установлением для отдельных видов имущества особого гражданско-правового режима, который устанавливается для лиц, совершающих юридически значимые действия. Вещные права представляют либо полное (право собственности), либо частичное (ограниченные вещные права) господство над вещью²³.

²² См.: Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Указ. соч. С. 48.

²³ См.: Суханов Е.А. Вещное право. Научно-познавательный очерк. М., 2017.

Вряд ли такая характеристика уместна для научно-познавательного очерка, поскольку вещные права юридически оформляют статику экономических отношений, отношения присвоения (собственности), тем самым регулируют деятельность граждан и юридических лиц так же, как и в обязательственных отношениях. Представляется неконструктивным различие имущественных прав, особенностей их гражданско-правового режима, конструирование общего понятия вещного права, включающего право собственности и сведение объекта вещных прав только к вещам.

Развитие теории и законодательства об объектах гражданских прав должно идти по пути разграничения вещей, материальных объектов и «бестелесных вещей». Разделение вещей на наличные деньги и документарные ценные бумаги и имущественные права на безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а с 1 октября 2019 г. и цифровые права исказило сущность денег (валюты, ценных бумаг). Цифровая валюта не является цифровым правом, поскольку в качестве такого она не указана в законе.

Необходимо избавляться в законе от понятий, которые строятся на отрицании какого-либо правового явления и в то же время включают совершенно ясные правовые институты. Что такое иное имущество, в т.ч. имущественные права? Куда же относится энергия, в т.ч. электрическая? Суть электронных средств коммуникации? Если записи на банковском счете кредитора представляют собой обязательственные требования на определенную сумму кредитной организации, в которой открыт денежный счёт, то имущество как аналог собственности перешло от вещного права в обязательственное. С помощью электронных либо иных технических средств обязательственное или иное субъективное гражданское право трансформируется в объект гражданских прав, в цифровое право и оборачивается в рамках определенной информационной системы. Владелец цифрового права распоряжается им, производя осуществление, распоряжение, в т.ч. передачу, залог, и другими способами, только в информационной системе без обращения к третьему лицу, т.е. содержание и условия осуществления цифровых прав определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающими установленным законом признакам. Замена физического контакта при совершении и исполнении сделок и иных юридически значимых действий на передачу информации об условиях сделки путем внесения (изменения) записи в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы не имеет юридической природы регулируемых общественных отношений и видов деятельности.

В ст. 128 ГК РФ предусматриваются как результаты работ и оказание услуг, так и охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, что не позволяет разграничивать эти правовые явления, учитывая, что в ст. 783¹ ГК РФ действия по предоставлению определенной информации заказчику рассматривается как договор оказания услуг по предоставлению информации, но обладатель цифрового права к нему не имеет правоотношений, хотя от действий оператора информационной системы может понести убытки. В то же время результаты работ и оказание услуг разве не иное имущество? Отсутствие четких границ между вещью и иным имуществом, между иным имуществом и имущественными правами, куда включаются и цифровые права, несущие в себе элементы результатов интеллектуальной деятельности, порождает трудности в применении норм о цифровых правах, и проблема, с учётом применения цифровых технологий, современного понимания объекта гражданских прав остается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал рос. права. 2020. № 3. С. 58–68.
2. Андреев В. К. Договоры инвестирования, заключаемые с использованием инвестиционных платформ путем приобретения утилитарных цифровых прав // Юрист. 2020. № 1. С. 15–21.
3. Андреев В. К. Правовой аспект цифровой валюты // Право и экономика. 2020. № 10. С. 5–9.
4. Андреев В. К. Теоретические предпосылки применения цифровых технологий в деятельности юридического лица // Росс. правосудие. 2020. № 6. С. 52–59.
5. Андреев В. К., Ефимов А. В., Кондратьев В. А. Права и обязанности непубличного общества и его участников: теория и судебная практика. М., 2020. С. 27–30, 64.
6. Гаврин Д. А. Предмет и метод правового регулирования в условиях цифровизации // Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. М., 2020. С. 18.
7. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица: очерк истории и теории. М., 2003.
8. Корпоративное право: учеб. курс / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2017. Т. 1. С. 141.
9. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ. М., 2020. С. 39, 40, 48.

10. Степанов О.А. О проблеме правосубъектности роботизированных систем (правосубъектный, общетеоретический, отраслевой и международный анализ). М., 2017. С. 289.
11. Суханов Е.А. Вещное право. Научно-познавательный очерк. М., 2017.
12. Тедеев А.А. К вопросу о трансформации системы права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий: постановка проблемы // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности: сб. науч. тр. М., 2018. С. 31.
13. Цифровое право: учеб. / под ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., 2020. С. 15, 19.
5. Andreev V.K., Efimov A.V., Kondrat'ev V.A. Rights and obligations of non-public companies and our stakeholders: theory and judicial practice. M., 2020. P. 27–30, 64 (in Russ.).
6. Gavrin D.A. Subject and method of legal regulation in the conditions of digitalization // Digital economy: conceptual framework of business regulation in Russia / ed. by V.A. Laptev, O.A. Tarasenko. M., 2020. P. 18 (in Russ.).
7. Kozlova N.V. The concept and essence of legal entity: a history and theory. M., 2003 (in Russ.).
8. Corporate Law: textbook course / res. ed. I.S. Shitkina. M., 2017. Vol. 1. P. 141 (in Russ.).
9. Sannikova L.V., Kharitonova Yu. S. Digital assets: a legal analysis. M., 2020. P. 39, 40, 48 (in Russ.).
10. Stepanov O.A. On the issue of the legal personality of robotic systems (personable, theoretical, industrial and international analysis). M., 2017. P. 289 (in Russ.).
11. Sukhanov E.A. Property law. Scientific and cognitive essay. M., 2017 (in Russ.).
12. Tedeev A.A. On the question of the transformation of the legal system in the context of the development of information and communication technologies: statement of the problem // Information space: ensuring information security: collection of scientific works. M., 2018. P. 31 (in Russ.).
13. Digital Law: textbook / ed. by V.V. Blazheev, M.A. Egorova. M., 2020. P. 15, 19 (in Russ.).

REFERENCES

1. Andreev V.K. Dynamics of legal regulation of the use of artificial intelligence // Journal of Russ. law. 2020. No. 3. P. 58–68 (in Russ.).
2. Andreev V.K. Investment contracts concluded using investment platforms by acquiring utilitarian digital rights // Lawyer. 2020. No. 1. P. 15–21 (in Russ.).
3. Andreev V.K. The legal aspect of digital currency // Law and economics. 2020. No. 10. P. 5–9 (in Russ.).
4. Andreev V.K. Theoretical prerequisites for the use of digital technologies in the activities of a legal entity // Russ. Justice. 2020. No. 6. P. 52–59 (in Russ.).

Сведения об авторе

АНДРЕЕВ Владимир Константинович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член научно-консультативного Совета при Верховном Суде Российской Федерации, главный научный сотрудник, руководитель направления гражданско-правовых и корпоративных исследований Центра исследований проблем правосудия Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

ANDREEV Vladimir K. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation, chief researcher, Head of the civil law and corporate research Department of the Center for research on problems of Justice of the Russian state University of Justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia